

Бертрис Смолл

*Любовь дикая
и прекрасная*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
С51

Серия «Мини-Шарм: Лучшее»

Bertrice Small

LOVE WILD AND FAIR

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

Печатается с разрешения автора и ее литературных агентов,
Ethan Ellenberg Literary Agency (США) и Агентства
Александра Корженевского (Россия).

Смолл, Бертрис.

С51   Любовь дикая и прекрасная : [роман : перевод с английского] / Бертрис Смолл. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 576 с. — (Мини-Шарм: Лучшее).

ISBN 978-5-17-083847-9

Шестнадцатый век. Шотландия. Прекрасная юная Катриона еще ребенком обручена с кузеном, графом Патриком Гленкерком. Но за три дня до свадьбы она убегает от жениха: гордая и независимая, горячо любящая будущего мужа, она желает, чтобы в ней видели человека. Венчание происходит, когда их первенец должен вот-вот появиться на свет... Как дальше сложится их жизнь? Сумеют ли они сохранить свою любовь?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-083847-9

© Bertrice Small, 1978
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

КНИГА ПЕРВАЯ

Часть I

ГРАФ ГЛЕНКЕРК

I

— Я хочу, — сурово сказала Эллен Мор-Лесли, — чтобы вы не надевали бриджи, когда ездите верхом, госпожа Катриона. Это совсем не подобает леди.

— Но зато как удобно, — ответила прелестная девушка. — Не приставай, Элли, а не то отошлю тебя домой и пойдешь замуж за того славного фермера. Ведь какие надежды возлагала на него твоя матушка!

— Бог мой! Вы не сделаете этого!

— Нет, не сделаю, — засмеялась хозяйка Эллен. — Если, конечно, Элли, ты сама не захочешь. А что, хороший парень, настоящий мужчина. Чем он тебе не мил?

— Важно, чтобы одна вещь у мужчины была настоящей, а точнее, стоящей, а ее-то у этого фермера и нет! Давайте же снимем ваш костюм. Уфф! Вы пахнете конюшной. И ведь знаете, что сегодня вечером граф приезжает на ваш день рождения. Не могу поверить, что вам уже пятнадцать. Я еще помню ту ненастную декабрьскую ночь, когда вы родились.

Катриона сняла с себя одежду. Она слышала эту историю уже много-много раз.

— Над Грейхевеном кружился снег, и ох как же ревел и выл ветер, — продолжала Эллен. — Старая графиня, ваша прабабушка, непременно захотела быть рядом с вашей матерью. А мне только что исполнилось семнадцать. Я была самой младшей в семье и страшно балованной, но раз я не выказывала намерения выйти замуж и остепениться, то моя старая бабушка посоветовалась со

своей госпожой, вашей прабабушкой, и они решили, что я буду присматривать за новорожденной. Старая леди Лесли бросила на вас один только взгляд и сказала: «Эта — моему мальчугану Гленкерку». Да, вас едва было видно из пеленок, а она уже устраивала вашу помолвку! Если бы только старая леди могла дожить и увидеть, как вы вырастаете и выйдете замуж! Но она умерла следующей весной, а моя бабушка последовала за ней всего лишь несколько недель спустя.

Разговаривая, Элли не переставала хлопотать, готовя своей госпоже ванну в огромном дубовом чане, поставленном перед камином. Подлив в горячую воду надушенное масло, служанка позвала:

— Идите, моя леди, все готово.

Катриона сидела в мечтательной задумчивости, а руки Эллен терли ее плечи и спину. Затем девушка взяла у служанки мыло и закончила мытье, а та сходила и достала из шкафа небольшой кувшин с жидкостью. Женщина полила голову Катрионы золотистой струйкой, плеснула воды и, взбивая душистую пену, дважды вымыла и прополоскала волосы.

Потом, укутанная в огромное полотенце, Катриона усеялась перед огнем и высушила свои густые и тяжелые локоны. Служанка расчесывала их до тех пор, пока они не заблестели. Укрепив заколками эту темно-золотистую массу, Эллен велела молодой госпоже прилечь и стала натирать ее бледно-зеленым кремом, приготовленным Рут, матерью Эллен. Девушка поднялась, и служанка подала ей шелковое нижнее белье. Когда Катриона уже стояла в нижней юбке и кофте, вошла ее мать.

Тридцатишестилетняя Хезер Лесли Хэй находилась в расцвете своей красоты. Она была прелестна в темно-голубом бархатном платье, отделанном золотыми кружевами и украшенном чудесным жемчужным ожерельем, которое, как было известно Катрионе, принадлежало еще прабабушке. Прекрасные темные волосы Хезер прикрывал голубой чепец с золотым узором.

— Прежде чем приедут гости, мы с отцом желаем поговорить с тобой. Как только будешь одета, пожалуйста, пройди прямо в наши покои.

— Да, мама, — скромно ответила Катриона, но дверь за матерью уже закрылась.

Девушка с полной отрешенностью дала себя одеть, все это время раздумывая, что же хотят сказать ей родители. Кроме нее, их единственной дочери, в семье был старший сын Джеми, которому исполнилось восемнадцать, и десятилетние близнецы Чарли и Хьюн. Родители всегда оказывались столь поглощены друг другом, что воспитание детей легло главным образом на няnek и учителей. Катрионе пришлось самой устраивать свою жизнь почти с рождения.

Все было бы по-другому, если бы была жива ее прабабушка. Девушка знала это. Для Джеми наняли учителей, однако никто не подумал о том, что учить читать и писать надо и Катриону. Пришлось ей самой пробиваться на урок к Джеми. Когда удивленный преподаватель доложил родителям, что их дочь усваивает предмет быстрее, чем наследник, ей было разрешено остаться. Поэтому ее обучали как мальчика, но лишь до тех пор, пока Джеми не уехал в школу. Дальше о своих уроках девочке пришлось позаботиться самой.

Катриона настояла, чтобы родители наняли учителя, говорящего по-французски, по-итальянски, по-испански и по-немецки, дабы и ей овладеть этими языками. Учитывая, сколь хорошее образование получили ее отец с матерью, их безразличие к обучению собственного ребенка не находило оправдания.

Но двадцать лет спустя после свадьбы Хезер и Джеймс Хэй были влюблены друг в друга еще более, чем когда-либо. Так что невнимание к дочери происходило просто от беспечности. Дети сытно ели, носили хорошую одежду и жили в прекрасных условиях. Молодому хозяину Грейхевена, да и его жене просто не приходило в голову, что, помимо этих основных надобностей, детям требовалось что-то еще. И если маленьким братьям Катрионы вполне хватало теплоты и ласки, получаемых ими от любвеобильных нянечек, то ей самой этого было мало. Эллен Мор-Лесли понимала свою молодую госпожу. Но Кат Хэй выросла избалованной и своевольной, а сдерживать ее было некому.

Теперь девушка стояла перед зеркалом и рассматривала себя. Сегодня вечером, впервые за несколько лет, она встретит своего нареченного. Ему исполнилось двадцать четыре года, и он учился в университете Абердина.

Он также посетил Париж и некоторое время со-

стоял при дворе королевы Бесс в Англии. Катриона знала, что суженый был красив, уверен в себе и говорил изысканно. Она также надеялась, что ему предстояло пережить жестокий удар по самолюбию. Девушка пригласила зеленый бархат своего платья и, улыбаясь, отправилась к родителям. К ее удивлению, там же оказался и старший брат.

Отец откашлялся.

— Всегда предполагалось, — начал он торжественно, — что ты выйдешь замуж за Гленкерка после твоего шестнадцатого дня рождения. Однако, в связи с безвременной смертью прошлым летом третьего графа и введением молодого Патрика в звание четвертого графа Гленкерка, решено, что ваша свадьба будет отпразднована в Двенадцатую ночь.

Ошеломленная, Катриона посмотрела на отца.

— Кто решил так, папа?

— Мы вдвоем с графом.

— Не спросив меня? — Ее голос звучал гневно.

— Спрашивать тебя? Зачем, дочь? Вы были обручены одиннадцать лет назад. Свадьба всегда подразумевалась.

Джеймс Хэй не скрывал раздражения. Дочь вывела его из себя. Как всегда. Она никогда не была мягким и нежным созданием, подобным жене.

— Ты мог бы рассказать мне об изменившихся обстоятельствах, а потом спросить меня, не возражаю ли я выйти замуж на целый год раньше! — закричала Кат. — Я не хочу выходить замуж сейчас. И вы зря потратили время на разговоры, потому что я вообще не собираюсь выходить замуж за Патрика Лесли!

— А почему, дорогая? — спросила Хезер. — Такой славный молодой человек. И ты будешь графиней!

— Это бык в охоте, дражайшая мама! С тех пор как дядя Патрик слетел с лошади и сломал себе шею, не проходит и дня, чтобы я не слышала о победах его наследника! По всему округу ходят сплетни о его подвигах. В постели, на сеновале, под изгородью! Я не выйду замуж за грязного развратника!

Хозяин Грейхевена был ошеломлен этим взрывом ярости. Джейми принялся было смеяться, но быстро

6 умолк под строгим взглядом матери. Теперь-то,

хоть и слишком поздно, блистательная леди осознала, что пренебрегла очень важной стороной воспитания дочери.

— Оставьте нас, — велела Хезер мужу и сыну. — Сядь, Катриона, — сказала она, когда мужчины вышли. — Ты знаешь что-нибудь о том, что происходит между мужчиной и женщиной на брачном ложе?

— Как же, — сказала Кат резко, — он засовывает свою палку ей в дырку между ног, а через несколько месяцев через ту же дырку вылезает младенец.

Хезер на мгновение прикрыла глаза. «О дитя мое, — подумала она. — В моей огромной и всепоглощающей любви к твоему отцу я забыла, что ты тоже женщина. Ты ничего не знаешь о тех наслаждениях, что дарят друг другу влюбленные, а я не знаю, найду ли слова, чтобы описать их тебе».

Открыв свои фиолетовые глаза, леди глубоко вздохнула.

— Отчасти ты права, — спокойно произнесла она, — но акт любви между мужчиной и женщиной не обязательно всякий раз приводит к рождению ребенка. Есть способы предотвратить зачатие и в то же время наслаждаться радостями любви. Я буду рада научить тебя этому до твоей свадьбы.

Девушка, казалось, почувствовала любопытство.

— Любовь — весьма приятное занятие, Катриона, — продолжила Хезер.

— Разве? А как это, мама? — В голосе девушки звучало презрение.

«Боже милостивый, — подумала леди, — как ей объяснить?»

— Целовали ли тебя когда-нибудь, дитя мое? Не пытался ли на вечеринке какой-нибудь из твоих кузенов сорвать поцелуй?

— Да, мама, и я хорошенько их била. Больше не пытаются.

С досады Хезер готова была закричать.

— Поцелуи доставляют большое наслаждение, Катриона. А также и ласки. Я бы сказала, что наслаждение восхитительное.

Кат смотрела на мать как на помешанную.

— Я не вижу, мама, ничего восхитительного в том, что голые мужчина и женщина жмутся друг к другу.

Дочь выглядела до того самоуверенной, что вывела наконец Хезер из себя.

— Однако так оно и есть, дочь моя! Мне надо было такое предвидеть! Боже мой, Кат, ты же просто вопиюще невежественна! Ты даже и понятия не имеешь, что значит быть женщиной, и это моя вина. Но в ближайшие недели ты все узнаешь. Как мы и решили, на Двенадцатую ночь ты выйдешь замуж за своего кузена Гленкерка. Это отличная партия, и ты должна радоваться, что у тебя такой прекрасный жених.

— Я не выйду за него, мама!

Хезер попробовала другой маневр.

— И что же тогда ты будешь делать?

— Есть ведь другие мужчины, мама. Мое приданое достаточно велико.

— Только если за Гленкерка, дорогая моя. — Брови у Катрионы удивленно поднялись. «Наконец-то ты мне внимаешь», — с облегчением подумала Хезер. — Твое огромное приданое — только для Гленкерка. Так распорядилась твоя прабабушка. Если же тебе случится выйти замуж за кого-нибудь другого, то твое приданое будет очень скромным.

— Но разве прабабушка не подумала, что Гленкерк может умереть или вообще отказаться от своего намерения? — спросила девушка возмущенно.

— Если бы Патрик умер, то ты бы вышла замуж за Джеймса. Мэм распорядилась, чтобы ты стала графиней Гленкерк, и, конечно, даже речи не могло быть, что твой жених откажется. Ладно, дитя мое, Патрик Лесли — образованный очаровательный мужчина. Он будет любить тебя и хорошо к тебе относиться.

— Я не выйду за него!

— Выбор делать не тебе, дорогая моя. Так что давай убери с лица это недовольное выражение. Гости, должно быть, уже прибывают. Здесь будут все твои кузены, и они захотят пожелать тебе счастья.

Кузены! К счастью, дядюшки Колин и Эван жили в Эдинбурге, и ей не придется иметь дело с их выводками.

Остальные были все-таки не столь ужасны, но эти шестеро жеманниц-кузин!

Фиона Лесли в свои девятнадцать лет уже стала вдовой. Бедный Оуэн Стюарт не выдержал суровостей брачного ложа. Золотисто-каштановые волосы, красный надутый рот и платье с огромным вырезом на пышных формах — вот что такое Фиона. Затем шестнадцатилетняя Джанет Лесли, которой предстояло весной выйти замуж за брата Фионы, кузена Чарлза. Эта едва скрывала удовольствие от того, что она будущая графиня Сайтен — что за глупая корова! Эйлис Хэй уже исполнилось пятнадцать, и ее предназначали Джеймсу Лесли — младшему брату Гленкерка. До этой свадьбы оставалось еще по крайней мере два года. А вот Бет Лесли минуло шестнадцать, но она обожала своего дядю Чарлза, и ей вскорости предстояло начать монашескую жизнь во Франции. А чтобы в чужой стране кузина имела близких родственников, ее четырнадцатилетнюю сестру Эмили обручили с сыном дядюшки Доналда, Жаком де Валуа-Лесли. Оставалась наконец малышка Мэри Лесли, которая, будучи тринадцатилетней, прождет еще три или четыре года, а потом выйдет за брата Кат Джеми. Кат надеялась, что к тому времени Мэри уже не станет хихикать в ответ на все, что скажет Джеми, хотя тот, казалось, не возражал.

Вместе с матерью Катриона вошла в зал. Именинницу сразу же окружили кузены со своими поздравлениями. Это был ее праздник, и она сочла невозможным и дальше оставаться сердитой. Вдруг Фиона произнесла своим кошачьим голосом:

— Кат, дорогая, вот твой нареченный. Посмотри, как она выросла, Патрик! Уже совсем женщина.

Катриона метнула сердитый взгляд на свою старшую кузину и, подняв недовольное лицо, встретила веселые глаза Патрика, графа Гленкерка, пристально глядевшего на нее. Большая и теплая рука графа поднесла маленькую ручку девушки к губам.

— Кузина, — голос Патрика оказался глубже, чем она его помнила, — ты всегда была восхитительна. Но сегодня, Катриона, ты превосходишь всех женщин в этом зале.

Взяв девушку под руку, граф повел ее к помосту. Фиона осталась одна и, удивленная, засмеялась. Граф посадил свою нареченную за главный стол.

— Почему ты сердишься на меня? — спросил он.

— Я не сержусь на тебя.

— Тогда улыбнись мне, дорогая.

Она намеренно не замечала его, и граф испытывал раздражение. Когда кушанья были убраны и начались танцы, он отыскал свою тетку, увел ее в библиотеку Грейхевена и там в тиши попросил объяснить, что происходит с девушкой.

— Это моя вина, Патрик, — сокрушалась Хезер. — Мне так жаль. Я, совсем того не желая, пренебрегла важнейшей стороной воспитания Катрионы. И теперь она полностью лишена чувственности и холодна как лед.

— Другими словами, моя прекрасная беспечная тетушка, вы были так поглощены вашим Джеми, что любить Кат просто позабыли.

— Но я люблю Кат!

— А разве вы когда-нибудь это говорили ей? Разве вы обнимали и ласкали ее, когда она была младенцем? Ребенком? Девушкой? Нет, тетушка. У вас не оставалось на это времени. Вы были заняты тем, что применяли на деле все те восхитительные вещи, которым вас научила Мэм.

Хезер покраснела до корней волос.

— Патрик! Что ты вообще можешь знать об этом?

— То, что мне рассказала моя мама, — ядовито усмехнулся он. — Но она уверяла, что моя невеста будет воспитанной и горячей. Вместо этого, тетушка, я должен растапливать эту ледяную девицу, которую вы прочите мне в жены?

— Она сказала, что не пойдет за тебя, — произнесла Хезер тонким голоском.

— Проклятие! — выругался Гленкерк. — Может быть, вы просветите меня почему?

— Не знаю, Патрик, — солгала тетушка. — Но когда сегодня вечером отец объявил ей, что свадьба переносится со следующего года на Двенадцатую ночь, она пришла в ярость. Заявила, что никто не спрашивал ее мнения, но что это все равно ничего не меняет, потому что она тебя не потерпит.

— Вы говорили кому-нибудь о переносе свадьбы?

— Мы думали объявить сегодня вечером.

— Тетушка, приведите сюда дядю, но только так, чтобы никто не заметил.

«Бедная малышка Кат, — подумал Патрик, когда тетка вышла. — С младенчества оставлена одна и должна сама устраивать свою жизнь. А затем, в самый важный момент жизни, за нее все решают другие. Ясное дело, рассердишься».

Граф знал, что женщины Лесли были пылкими по своей природе и что стоит только открыть Кат глаза на мир чувственных удовольствий, как она расцветет. Это потребует времени и терпения. Но ему уже наскучили легкие победы, а теперь времени у него было сколько угодно.

Тут в библиотеку вместе с женой вошел Джеймс Хэй.

— Итак, племянник! Что же случилось такое важное, что я должен тайком убежать от своих гостей?

— Думаю, нам следует отложить объявление дня свадьбы, дядюшка. Катриона явно рассержена и испугана, и я не хочу причинять ей боль.

— Девическая чепуха!

— А разве не так вела себя перед свадьбой тетушка Хезер?

— Нет. — При этом приятном воспоминании голос Джеймса Хэя сразу размяк. — Она вся была одним нежным и страстным желанием.

— Поздравляю вас с этой удачей. Откажете ли вы мне в подобном счастье?

— Хезер и я достаточно хорошо знали друг друга, — проговорил Джеймс Хэй.

— Именно так! — сказал граф. — Я отсутствовал шесть лет: изучал науки и путешествовал. Когда я уезжал, Кат не было еще и девяти. Она не знает меня. Я ей совсем чужой, и, однако, через четыре недели ей предстоит ужасная перспектива выйти замуж и лечь в постель к совершенно незнакомому мужчине. Послушайте, дядюшка! Вы уже испытали супружеское блаженство. Дайте мне время завоевать вашу колючую дочь, чтобы я мог иметь такое же удовольствие.

— Что ж, — рассуждал хозяин Грейхевена, — свадьба была назначена на эти же дни ровно через год... Но если к этому времени она не будет завоевана, хочет она или нет, но пойдет к алтарю!

— Согласен, — сказал Патрик. — Но и вы с тетушкой должны согласиться кое на что. Будут моменты, когда мои ухаживания могут показаться стран-

ными и, возможно, даже жестокими. Но что бы ни случилось, я намерен сделать Катриону своей женой. Помните это...

— Да, да, — охотно согласился владелец Грейхевена.

Его жена была до глубины души потрясена словами племянника. «Так Патрик, оказывается, ее уже любит, — с удивлением подумала Хезер. — Он, вероятно, питал к ней такие чувства с детства. Сначала станет ухаживать за ней нежно, но если это не принесет плодов, будет груб, ибо намерен получить ее. Ох, моя невинная дочь! Лучше бы я научила тебя тому, что знаю сама, прежде чем твой страстный любовник потеряет терпение и посягнет на твою невинность».

Ее раздумья прервал голос племянника:

— Я сам скажу Кат. Она вообще не должна знать, что мы обсуждали это.

Когда Патрик вернулся в зал, раскрасневшаяся, смеющаяся Катриона танцевала с его братом Адамом. Заняв место младшего брата, Патрик закончил с ней танец. Желание его было таким сильным, что он готов был обладать ею тут же и сейчас. Он схватил девушку за руку и увлек ее подальше от семейств в уединенный маленький альков.

— Я думаю, — сказал он, — нам не стоит жениться до следующего года. Когда я покинул Гленкерк, ты была маленькой девочкой. А возвратившись, нахожу тебя прекрасной женщиной. Я страстно желаю сделать тебя своей женой, дорогая. Но сознаю, что ты по-настоящему меня не знаешь. Не будешь ли ты возражать, если какое-то время мы уделим тому, чтобы познакомиться?

В первый раз за вечер она ему улыбнулась.

— Нет, милорд, не возражаю. Мне это по душе. Но если мы обнаружим, что друг другу не подходим?

Патрик поднял бровь.

— Ты хранишь, Катриона? Или, возможно, жуешь восточный бетельский орех?

Она весело покачала головой.

— Любишь ли ты музыку, поэзию и мелодичные звуки иностранных языков? Любишь ли кататься верхом в туманной тиши весеннего утра или лунным осенним вечером? А в жаркий летний день купаться голышом

в укромном ручейке? Восхищает ли тебя первый зимний снег?

— Да, — прошептала она мягко, и отчего-то ее сердце быстро забилося. — Я люблю все это.

— Тогда, дорогая, ты должна полюбить и меня, потому что я тоже все это люблю.

Густые темно-золотистые ресницы Катрионы коснулись ее покрасневших щек, и сердце девушки забилося чаще. «Моя первая маленькая победа», — с удовлетворением подумал Патрик и немедленно попытался развить свой успех.

— Поставим ли мы на нашей сделке печать поцелуя? — спросил он.

Катриона подняла голову, и какое-то мгновение ее глаза цвета зеленых листьев смотрели на него. Затем глаза закрылись, девушка подняла свежие, как бутон розы, губы и подставила для поцелуя. Патрик осторожно прикоснулся к ним.

— Благодарю тебя, Катриона, — нежно сказал граф. — Благодарю тебя за первый твой поцелуй.

— Откуда ты знаешь?

— У невинности — своя красота, любовь моя. — Он встал. — Позволь мне проводить тебя к твоим гостям.

Когда они появились в зале, Хезер с удовольствием отметила, что дочь больше не выглядит угрюмой, а племянник кажется довольным. «Он завоюет ее», — подумала леди. И, глядя на Гленкерка глазами искусенной женщины, отметила про себя: «Ох, моя Кат! Какое же тебя ожидает чудесное приключение!»

2

Фиона Лесли лежала на кровати, размышляя о своем кузене Патрике. Она мечтала о том, как хорошо было бы стать графиней. А вместо нее за графа выходит эта кисейная девственница Катриона Хэй! Прямо смех!

Фиона знала, что когда-то собирались устроить партию между ней и Гленкерком. Затем в дело вмешалась бабка, отдавшая ее замуж за этого слабенького дурачка Оуэна Стюарта. Как же она ненавидела теперь старую даму!

Оуэн был болезненным и, даже страстно желая свою пышную семнадцатилетнюю невесту, оказался не способен выполнять супружеские обязанности. Это не имело значения для Фионы, которая утратила девственность в тринадцать лет. То, что ей требовалось, она быстро нашла в поместье своего мужа. Его звали Фионн, он был охотником. Большой и сильный, нетребовательный в постели, этот дикарь втискивал себя в Фиону, и ей казалось, что она сходит с ума от наслаждения. А затем случилось невозможное: она просчиталась. Потом долго не могла поверить, что беременна, а к тому дню, когда точно это установила, избавляться от ребенка стало уже слишком поздно.

Леди Стюарт сообщила мужу о своем положении, ожидая, что это ничтожество примет все как должное и рта не раскроет. Но снова просчиталась. Едва сумев сползти со своего ложа, немощный супруг обозвал ее всеми грязными словами, какие знал, и добавил, что, когда настанет утро, выставит ее шлюхой всему миру напоказ. Здесь, однако, просчитался Оуэн Стюарт. Пока он спал, жена задушила его подушкой. Смерть была списана на приступ астмы, а беременную вдову ласково утешали.

Когда ребенок родился, при Фионе находилась лишь ее служанка Флора Мор-Лесли. Крепкого мальчика тайком вынесли из спальни и передали в одну крестьянскую семью, которая только недавно потеряла собственного ребенка. Фиона не хотела, чтобы дети усложняли ее жизнь, поэтому ее собственного младенца заменили мертвым, которого похоронили с большой скорбью в семейном склепе Стюартов.

Для Фионы это событие не прошло бесследно: роды были тяжелыми. Доктор и акушерка, вызванные впоследствии, в один голос заявили, что леди Стюарт больше не сможет иметь детей. Но ее тайна осталась при ней. Только Флора знала правду, но эта женщина взрастила свою го-спожу с пеленок.

А сегодня вдовушка ликовала, ибо она узнала чужую тайну. Чтобы избежать ухаживаний своего кузена Адама Лесли, который страстно желал ее с тех пор, как им было по двенадцать лет, Фиона ускользнула в библиотеку. Спрятавшись за портьерами у окна, она под-

слушала весь разговор между Хезер, Патриком и хозяином Грейхевена.

Ничто другое не привело бы ее в такой восторг. Девственница Кат пугалась любовных ласк! Гленкерк не сможет долго вытерпеть, а она, Фиона, тем временем почаше будет завлекать его своими зрелыми прелестями. Но, конечно, так, чтобы ее не обвинили в нескромности. Да и она сама замечала, что Кат мучают какие-то страхи.

— Когда вы так улыбаетесь, госпожа Фиона, я знаю, это не предвещает ничего хорошего. Что за козни вы замыслили?

— Никаких козней, Флора. Я просто думаю, какое платье надену к Гленкеркам на Рождество.

Флора мечтательно улыбнулась.

— Рождество в Гленкерке, — вздохнула она. — Лесли из Сайтена, Лесли из Гленкерка, Хэи из Грейхевена, Мор-Лесли из Крэннога. Мы не собирались на Рождество в Гленкерке всей семьей с тех пор, как умерла ваша бабушка. Я рада, что молодой граф снял траур. Старый лорд Патрик не одобрил бы этого. Думаю, что, если граф в следующем году женится на госпоже Катрионе, праздники в замке снова станут частыми.

— Да, — промурлыкала Фиона, — Рождество обещает быть очень занятным!

Но совсем нечаянно Кат обошла свою кухню Фиону. За десять дней до приезда всех остальных она прибыла в Гленкерк по особому приглашению своей тетки Мэг, вдовствующей графини Гленкерк. Мэг Стюарт Лесли знала о поведении своей племянницы как от Патрика, так и от Хезер и поэтому охотно предоставила своему старшему сыну возможность поухаживать за своей суженой. Она тоже когда-то появилась в Гленкерке испуганной невестой, а Мэм тепло приняла ее, окружила любовью и пониманием. Старой леди давно уже не было в живых, но Мэг намеревалась отплатить этот долг, помогая любимой правнучке Мэм, которая была к тому же ее собственной племянницей.

Стояла прекрасная погода — солнечная и прохладная. Патрик одержал свою первую победу, подарив Катрионе белоснежную лошадь.